

На правах рукописи

Романова Анастасия Анатольевна

**Типология текста:
мемуарный дискурс
Мирчи Элиаде**

*Специальность 10.02.20 –
сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание*

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук
Институте славяноведения РАН
в Отделе типологии и сравнительного языкознания

Научные руководители: *кандидат филологических наук*

Татьяна Николаевна Свешникова

(Институт славяноведения РАН,
Отдел типологии и сравнительного языкознания)

доктор филологических наук

Татьяна Владимировна Михайлова (Цивьян)

(Институт славяноведения РАН,
Отдел типологии и сравнительного языкознания)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Журавлев Анатолий Федорович**

(Институт славяноведения РАН,
Отдел славянского языкознания)

кандидат филологических наук **Прокофьева Инесса Николаевна**

(преподаватель кафедры романских языков
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета)

Ведущая организация:

Лаборатория автоматизированных лексикографических систем

Научно-исследовательского вычислительного центра

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

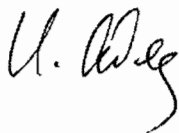
Защита состоится **25 января 2011 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: 119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН (тел. 938 00 73)

Автореферат разослан **11 декабря 2010 г.**

и размещен на сайте Института славяноведения РАН: <http://www.inslav.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

И.Е. Адельгейм

© Институт славяноведения РАН, 2010 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среди духовных тенденций XX века одна из основных — усиление интереса к человеческой личности, психологии и духовному миру индивидуума. Этот интерес прежде всего был обращен к языку, универсальному коду модели мира, формирующему картину мира и формируемого ею. Не перечисляя многочисленные направления лингвистических исследований, прежде всего на уровне типологии, понимаемой в широком смысле слова, обратимся к типологии текста/дискурса и к дисциплине, связанной с ней по преимуществу. Мы имеем в виду лингвистику текста (анализ структуры текста). Ее зарождение связано в истоках с машинным переводом. Сугубо эмпирические (на первый взгляд) опыты привели к выходу за границы предложения как максимально длинной единицы языка, которая поддавалась формальному анализу. Оказалось, что более протяженные «собрания предложений» — *тексты*, которые, предположительно, должны были рассматриваться, прежде всего, на уровне содержания (подчеркнем, что речь идет о сугубо лингвистическом анализе), имеют четкую формально-грамматическую структуру и требуют рассмотрения на уровне языка, в плане синтагматики и парадигматики.

Синтагматика в некотором смысле вышла на первый план: основным полем ее приложения стал *дискурс*, многослойное и многоуровневое понятие, основоположное в современной теории и типологии текста, ср.: «...дискурс — это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир [Разрядка наша. — А.Р.]. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — "возможный (альтернативный) мир"» (Ю.С. Степанов 1995, 43).

Направленность дискурса на коммуникацию актуализировала оппозицию говорящий/слушающий или (ссылаясь на Бенвениста – в связи с его идеями о природе местоимений) оппозицию *я/другой*. Это стимулировало появление дискурсов (текстов), «в которых индивид смел сказать “я”». Наиболее яркий образец такого типа текстов – *тексты памяти, мемуары*, основная задача которых – регистрировать прошлое с точки зрения свидетеля и/или участника событий (вопрос достоверности включает в рассмотрение особые типологические характеристики текста, которых мы здесь не касаемся). Увеличивающийся корпус мемуарных сочинений позволяет говорить о формировании не только мемуарного дискурса как такового, но и о типологии мемуарного дискурса как текста с особой, достаточно жесткой структурой, ориентированной на конкретное время и пространство и одновременно выходящей за его пределы.

Дневник Мирчи Элиаде, всемирно признанного этнолога, семиотика, культуролога, историка религии, писателя (1907–1986 гг.) – произведение, пока находящееся на периферии русского культурного пространства: он не переведен на русский язык и известен лишь узкому кругу специалистов. *Дневник*, выбранный объектом исследования данной диссертационной работы, является лишь частью обширного мемуарного дискурса Элиаде, полный корпус которого состоит из собственно *Дневника (Jurnal)* и *Воспоминаний (Memorii)*.

Хотя *Дневник* Мирчи Элиаде и привлек внимание зарубежных исследователей (румынских критиков Еуджена Симиона, Мирчи Хандоки, американца Линскота Мак Рикетса и др.), акцент в их работах переносится на анализ его идеологической стороны. На наш взгляд, перевес идеологического, наметившийся в исследовании *Дневника* Мирчи Элиаде, уводит в сторону от понимания этого произведения как совокупности разных составляющих творчества и личности Элиаде, синтезирующей единую – индивидуальную – художественную систему.

Мы рассматриваем данный дневниковый текст *sub specie* лингвистики текста, в ракурсе типологии дискурса, в том числе и художественного, продолжая направление, начатое в изучении *Дневника* Т.Н. Свешниковой (она как раз и настаивала на подобном подходе).

Среди многочисленных направлений в исследовании *Дневника* мы останавливаемся на анализе индивидуально-авторской

концептуализации *пространства и времени* (хронотопе) как структурообразующей мемуарного дискурса.

Наш интерес к теме художественного хронотопа в *Дневнике* связан прежде всего с тем, что проблема пространства и особенно времени была исключительно важна для самого Элиаде.

Методологическую основу работы составляет комплексный подход к изучению корпуса текстов Элиаде, ориентированный на сочетание нескольких уровней анализа: лингвистического, культурно-контекстуального, структурно-семиотического, мифопоэтического.

Теоретической основой диссертации стали работы М.М. Бахтина, Вяч.Вс. Иванова, Ю.М. Лотмана, М.Ю. Михеева, Т.М. Николаевой, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и др. Используемые в диссертации концепты и термины (типология текста, структура текста, дискурс, модель мира, символ, миф, хронотоп и в связи с ним реальное и метафорическое время и пространство) трактуются нами согласно разработкам названных учёных.

Актуальность исследования определяется возросшим интересом к дневникам в целом и соотносится с общей современной тенденцией изучения писательских дневников как особого явления. Кроме того, состояние исследования именно выбранного нами дневника – *Дневника* Элиаде настойчиво указывает на необходимость его изучения. Имеющиеся исследования носят узконаправленный характер: *Дневник* изучается как фактографический документ, а не как многоуровневый текст, что мешает установить настоящее место *Дневника* в творчестве Элиаде, научном и литературном. В своей работе мы пытаемся проследить и то, как наиболее важные положения его *научной* теории (например, ставшая классической идея Элиаде о *вечном возвращении*) находят воплощение в дискурсе *Дневника*.

Это, вместе с неослабевающим интересом к личности и роли М. Элиаде в современной науке, определяет актуальность выбранной темы.

Научная новизна диссертационной работы определяется, в первую очередь, самим материалом исследования – *Дневник* Мирчи Элиаде на русском языке до сих пор не опубликован.

Научная новизна обоснована и ракурсом исследования *Дневника*: он впервые рассматривается как особого рода дискурс, описывающий в совокупности и научное и литературное наследие Элиаде.

Теоретическая значимость работы вытекает из указанного выше нового подхода: заключается в том, что фундаментальные положения теории Элиаде – трактовка времени и пространства – анализируются на уровне структуры текста (роль времени и пространства в построении записи) и на уровне основной идей, впервые высказанных Элиаде (цикличность времени, цикличность пути и т. д.).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её материалов и результатов при разработке лекционных курсов по истории мировой литературы XX века, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по мемуарному дискурсу в практике вузовского преподавания, а также в ходе дальнейшего изучения творчества Мирчи Элиаде.

Объектом исследования послужил *Дневник* Мирчи Элиаде.

Предметом и целью исследования является структура дискурса, с особым вниманием к временным и пространственным (хронотопическим) построениям *Дневника* Элиаде.

Для достижения этой цели предполагается решить ряд задач:

- дать общую характеристику дискурса *Дневника* (включая составление истории его создания и издания, определение тематической/содержательной специфики и описание структуры текста). Этому посвящена первая глава диссертации;
- выявить и описать формы реального и метафорического времени (в том числе и времени как глагольной категории) в *Дневнике*. Этому посвящена вторая глава диссертации;
- выявить и описать формы реального и метафорического пространства в *Дневнике*. Этому посвящена третья глава диссертации.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на научных конференциях:

«Балканские чтения 8» (Институт славяноведения РАН, 2005); «Европейская цивилизация – единство, своеобразие, открытость» (Бухарест, Ассоциация «Восток – Запад», 2006; «Spațiul și timpul ca paradigme culturale» (Бухарест, Бухарестский университет, 2007; «Integrated skills and multilingualism for better cultural awareness» (Бухарест, Бухарестский университет, факультет международных отношений, 2007; «Româna ca limba străină – între metodă și impact

cultural» (Яссы, Румыния, 200; «Балканские чтения 10» (Институт славяноведения РАН, 2009; «Filosofia în contextul științei contemporane» (Кишинев, Молдавская Экономическая Академия, 2009; «Tradițional și modern în limbă și literatură – От традиции к модерну в языке и в литературе» (Бухарест, Бухарестский университет, 2009; «Маргиналии 2010: границы культуры и текста» (Каргополь, 25–26 сентября 2010 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из **введения, трех глав, заключения и списка библиографии**. Общий объем работы 159 страниц, из которых 142 страницы составляют основной текст.

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, дается обзор литературы по теме диссертации, характеризуется материал и принципы его отбора, формулируется цель и основные задачи исследования, описывается структура работы.

Глава I «Дневник Элиаде: общая характеристика» содержит описание исследуемого текста.

Естественно, что для анализа *дневникового текста* необходимо знание биографии автора. Поэтому в **первом разделе главы I** дается обзор биографии, научных трудов, художественной прозы Мирчи Элиаде.

История создания и публикации *Дневника* представляет собой самостоятельный сюжет, который рассматривается во **втором разделе главы I**. *Дневник* охватывает более 40 лет эмигрантской жизни Элиаде (1941–1985 гг.), который после второй мировой войны был лишен возможности вернуться в Румынию и жил в Португалии, Франции, а затем в США. Свое «самое личное» (*cel mai personal*) (2 сентября 1947 г.) произведение Элиаде писал только на родном румынском языке, но опубликован *Дневник* был сначала на французском (1973 г.), затем на английском (1977 г.) и других языках, причем фрагментарно. Лишь после смерти автора *Дневник* вышел в свет полностью: в 1993 году он был издан в Бухаресте на языке оригинала.

Рукопись *Дневника* хранится в библиотеке «Регенштайн» Чикагского университета. Вся информация о ней получена в ходе нашей

переписки с американским издателем и исследователем жизни и творчества Элиаде профессором Линскотом Мак Рикетсом. Отдельные страницы ранних дневниковых записей Элиаде хранятся в отделе рукописей Библиотеки Академии Наук Румынии, и нам посчастливилось получить доступ к ним.

Особенностью *Дневника* Элиаде является необыкновенное тематическое разнообразие. В **третьем разделе главы I** мы выявили и перечислили темы=лейтмотивы Дневника и рассмотрели, наиболее важные для автора и являющиеся сквозными, своего рода скрепами текста: 1) тема эмиграции и возникающих в связи с ней нравственных дилемм; 2) тема *памяти*, ее определяющего характера в формировании человеческой личности, ее причудливой избирательности и ее закономерностей; 3) тема самосознания, дескрипции/анализа собственной личности («автопортрет»); 4) тема универсума художественной литературы, принципов его существования, системы ценностей. В рамках последней темы выделяется тема отражения в *Дневнике* творческого наследия Ф.М. Достоевского.

Далее, в **четвертом разделе главы I** анализируется текст *Дневника* с точки зрения его структуры. Анализ основной единицы дневникового текста – подневной записи включает подробные характеристики: временные, пространственные, «фенологические» указатели, реальные персонажи и способы их «шифровки», цитатный слой, иноязычные вкрапления (полилингвизм) и др.

Свойственная Элиаде авторефлексия, манера «взгляда на себя со стороны», являющаяся особенностью его художественного стиля, нашли свое воплощение в метатексте *Дневника*, который выделяется в отдельный объект исследования. Определяются проблемы, на которые направлен метатекст (принцип отбора записей/событий; принцип верности жанру; принцип адресации; функции *Дневника*), показывается его самостоятельная роль в поэтике дневниковой прозы Элиаде.

В рамках метаописания рассматривается в *Дневнике* и автопортрет Элиаде.

Любой diarist, создавая дневник, запечатлевает в нем свой образ, т. е. отражает себя в «собственном зеркале», даже не ставя это специальной целью. Но в *Дневнике* Элиаде самописание

интенционально: личность помещена под микроскоп его беспощадного ума.

Задачу самоописания (автометаописания) Элиаде выполняет разными способами. Все эти способы самопрезентации представляют своего рода систему зеркал, где в центр помещен один – но в разных ракурсах – образ, образ автора. Сведенные вместе, в одну точку, которой является *Дневник*, они создают автопортрет, состоящий из разных автоотражений, и дают возможность увидеть/«вычитать» его.

Самоописание может принимать различные формы: самая очевидная – когда художник выступает как исследователь, автокомментатор, описывая (или приписывая себе) те или иные качества и поступки. Текст самоописания в *Дневнике* Элиаде – сплав исповедальности и автомифологизации: «Разнообразные демоны <...> терзают меня <...>» (*Multipli demoni se zbat în mine*, 22 февраля 1942 г.), «Я спрашиваю себя, не истощена ли моя творческая сила столькими излишествами» (16 мая 1942 г.), «<...> я был и остался а м о р а л ь н ы м <...>» (15 апреля 1945 г.)

«Демоны», «излишества», «искушения». Были ли эти проблемы реальными или это лишь часть «мифа о себе»? Элиаде, как кажется, сам ощущает трудность отделения одного от другого: «Я понимаю, как неправ был по отношению к себе самому, <...> стараясь быть очень и ск р е н н и м <...>, а ничто не является таким относительным, как искренность: она – лишь угол зрения, искажающая перспектива (*o perspectivă deformantă*)» (14 октября 1975 г.).

Частым приемом самоописания у Элиаде является сравнение себя с героями литературных произведений, причем, что весьма примечательно, с героями собственных произведений. При этом речь не идет об отражении в героях личности автора – напротив, Элиаде ищет (и находит) в себе черты персонажей своих романов, таким образом как бы «переворачивая» причинно-следственные связи: «Я <...> похож на доктора [героя его повести *Изабель и воды дьявола*]: в юности я так же жаждал “абсолюта” <...> (15 апреля 1945 г.), «<...> в то время я так же, как Павел [герой романа М.Э. *Возвращение из рая*], разрывался между двумя женщинами» (8 января 1975 г.), «сексуальность делает меня непробиваемым для любых духовных изменений» (*sexualitatea mă face*

impenetrabil unei transfigurări spirituale, май 1945 г.) – сравнивая себя с героями собственного романа «Хулиганы».

Поражает завышенная самооценка, своеобразный нарциссизм автора *Дневника*. В отношении собственного *литературного творчества* он бывает почти вызывающе нескромен: «со времен Эминеску румынский край не видел личности настолько сложной, сильной и одаренной [речь идет об авторе]» (*de la Eminescu încoace neamul românesc n-a mai văzut o personalitate atât de complexă, de puternică și de înzestrată*, 5 июля 1943 г.).

Воспринимая себя *гением* (Элиаде так и говорит *geniul*), он сравнивает себя с личностями соответствующего масштаба: с Леонардо да Винчи, Гете, Кафкой: «Замечаю волнующее сходство наших судеб [автора и Гете]. Оно <...> состоит в неспособности сосредоточиться на одном произведении» (6 февраля 1960 г.).

Такая восторженность, которая почти шокирует, может быть связана с дистанцированием Элиаде-диариста по отношению к Элиаде-герою *Дневника* или, точнее, к Элиаде-личности. Его творческая манера «взгляда со стороны» (« <...> я чувствую себя отстраненно от моего гения, от моих произведений» (*eu sunt detașat de geniul meu, de opera mea*, 15 апреля 1945 г.) оправдывает и писательское честолюбие.

Подчеркнем: это разительно отличается от присущей Элиаде скромности (о которой свидетельствуют воспоминания современников).

Следующие главы «разделяют» хронотоп на время и пространство, чтобы в итоге показать их единство.

Глава II «Структура времени в *Дневнике*» рассматривает «дневниковое» воплощение идеи Элиаде о цикличности времени, *вечном возвращении*.

Жизнь Элиаде, его творчество, научное, художественное, наконец, *Дневник* как совершенно особый жанр, были направлены не только на «поиск утраченного времени» (в бергсоновско-прустовском смысле), но и на его сохранение. Всю жизнь он почти физически страдал от «жажды “спасти” мгновения» (*setea de a “salva” clipele*, 13 июля 1949 г.), чувствуя, как время «просачивается сквозь пальцы» (*il simt cum se scurge <...> printre degetele*, 10 октября 1951 г.), и стремился «разрешить неразрешимое», проблему *бега времени* (*problema insolubilă a „trecerii timpului”*, 22 февраля 1953 г.) – горацианское *fuga temporum*.

Миф о вечном возвращении, рассматриваемый в первом разделе главы II, есть своего рода сигнатура Элиаде-ученого. *Миф*, вводящий понятие цикличности времени, т. е. возможность повторения/закрепления/остановки определенных моментов, и есть попытка вырваться из необратимости линейного времени.

Элиаде-писатель полем собственных экспериментов над временем избирает *Дневник*.

В *Дневнике* Элиаде пытается найти возможность преодоления «бега времени»: это его «замораживание» в записи, что дает гарантию точности в сохранении событий прошлого: «<...> автор спасает фрагменты конкретного времени, "замораживая" их» (*autorul salvează, „înghețindu-le”, fragmente de timp concret*, 15 декабря 1946 г.). – Ср. прием замораживания человека для перенесения его в другое время, столь популярный в научной фантастике.

Мемуарный дискурс – жанр дневника видится Элиаде идеально предназначенным для этой борьбы, поскольку дневниковая запись – это одновременно и воспоминание о событии, и его воспроизведение-повторение. Дневниковые записи помогают зафиксировать мимолетное настоящее, уже завтра становящееся прошлым. Записывая, автор «останавливает время». Дневник, жанр со столь важной временной составляющей, определившей само его название и, казалось бы, относящейся к одному краткому моменту, парадоксальным образом оказывается успешным средством борьбы *против времени*.

В масштабе индивидуальной человеческой личности сохранить события прошлого может только человеческая память (при всей ее прихотливости и избирательности, которую неоднократно подчеркивал Элиаде): «спасти “потерянное время”, *вспоминая*» (*să salvez „timpul pierdut”, retemorându-l*, февраль 1945 г.). Свой *Дневник* Элиаде делает формой, не только и не столько регистрирующей события момента, сколько наполняемой, в первую очередь, воспоминаниями.

Об обращенности *Дневника* в прошлое говорится во **втором разделе главы II**. Содержательный центр многих записей в *Дневнике* – описание событий *прошлого*, причем достаточно давнего. При этом, как правило, происходит встреча автора не с людьми из прошлого (*внешнего мира*), а с самим собой, со *своим* прошлым, со своим собственным *внутренним* миром.

В третьем разделе главы II отмечается, что спецификой текста воспоминаний в *Дневнике* является их интенциональный характер. Автор занят поиском стимулов, продуцирующих воспоминания. Анализ текста показал, что ими оказываются *движение в пространстве, пейзажно-погодные наблюдения* (что в целом достаточно типично для текстов-воспоминаний) и особый меморативный знак – *книга*. Именно эти три стимула воспоминаний порождают следующую схему: точка в пространстве *hic et nunc* → «прошедшее» время, далеко отстоящее от момента, когда делается запись в дневнике, *eo tempore* → перенос в другое (соответствующее «другому времени») пространство, *eo loco*.

Настоящее при этом актуализируется лишь с помощью обозначенной в *Дневнике* даты. Таким образом, ретронаправленность текста сочетается с сохранностью и актуальностью *прошлого* в *настоящем, там и тогда* в *здесь и сейчас*. *Дневник* Элиаде повествует о той реальности, которая, выступая в совокупности отдельных разновременных ипостасей, не утрачивает цельности. Автору удастся создать, на уровне художественного текста, *единое* время, равноценными составляющими которого являются и *настоящее*, и формируемое воспоминаниями *прошлое*. При этом картина мира автора, при всей ее мозаичности, является единой; основа ее единства – идея о *вечном возвращении*.

Итак, структура дневникового времени у Элиаде отличается от структуры времени реального. Его основной чертой является *нелинейность*. Графически время можно было бы представить не в виде отрезка прямой с отмеченным началом и концом, а в виде спирали с теоретически неограниченным числом витков.

Mythe de l'éternel retour реализуется в тексте *Дневника* и другими способами:

- постоянное (круговое) возвращение к ключевым для Элиаде мотивам: ностальгия по родной стране и по родному языку, оппозиция Восток - Запад, противопоставление и объединение науки и искусства и др.
- на лексико-грамматическом уровне: высокая частотность глаголов с префиксом *re-* со значением повторного действия («снова»): *a relua, a reface, a reîntîlni, a regasi, a redeveni, a reveni* и т. д.

- в авторской хронологии *Дневника*: за точку отсчета берется некое значимое в жизни автора событие, а последующие записи содержат два указания на время записи: дата обозначается и по традиционному календарю; время отсчитывается от собственной «нулевой отметки», тем самым возвращаясь к ней вновь и вновь.

Глава III «Структура пространства в *Дневнике*» посвящена рассмотрению того, как Элиаде формирует пространственную картину своего мира.

Структура художественного пространства литературного произведения определяется автором в соответствии с его индивидуальным художественным видением. *Дневник* Элиаде как произведение с документальной основой не предоставляет автору той свободы в формировании пространства, которой располагают другие жанры. *Дневник* имеет специфическую организацию дискурса, поскольку он «обязан» опираться на реальность, в том числе и на ее пространственную составляющую. Однако в данной главе мы попытались показать, как даже в условиях ограничения «права на вымысел» Элиаде реализует в тексте *свою модель пространства*, подчиненную выработанному им представлению пространственной картины мира.

В разделе первом показывается, что пространственная основа *Дневника* опирается на оппозицию *покой/движение*; ее предметное воплощение – *дом/дорога=путь*. В своем исследовании мы исходим из того, что посредством изучения индивидуально-авторской интерпретации концептов *дома* и *дороги/пути* возможно раскрыть особенности пространственной картины мира Элиаде.

В *Дневнике* Элиаде образы *дома* и *дороги/пути* представляют собой нерасторжимую системную образную целостность, где переходы от одного пространства к другому и наоборот как бы гарантируют целостность самого пространства. И все же, осознавая эту целостность, мы рассматриваем *дом* и *дорогу/путь* по-отдельности, чтобы потом показать их единство.

Во втором разделе анализируется концепт *дома*. Мы начинаем с выявления словаря *дома* Элиаде. *Дом* может быть обозначен как: *clădire*, *imobil* – ‘здание’, *apartament* – ‘квартира’, *villa* – ‘вилла, дача’. Однако

чаще всего это *cameră* – комната, вернее, номер в гостинице или в пансионе, временное пристанище. Если же это собственно *casă* – ‘дом’, то он оказывается, как правило, *домом детства*, принадлежащим воспоминаниям.

Далее семантическая единица *дом Элиаде* рассматривается с точки зрения его функций (дом – место жизни/работы/творчества; соответственно, ему присуща вдохновляющая, творческая функция); указываются принципы организации внутреннего пространства (особая роль *центра* и *границы, рамки*; окно как необходимая «визуальная составляющая»), выясняется семиотический статус элементов интерьера (*рабочий* = письменный *стол*, необходимая и достаточная деталь) и принципы расстановки ценностных акцентов (принадлежность к *центру* или *периферии*).

В целом *дом Элиаде*, при всем его своеобразии, укладывается в общую парадигму архетипического дома и легко описывается с помощью оппозиций универсальной модели мира (*внутреннее – внешнее, свое – чужое, верх – низ, опасность – безопасность, видимое – невидимое, звук – тишина* и т. п.). *Родной дом Элиаде* (=«родимое место») в конце концов воплощается в одном элементе-символе – мансарде, аккумулирующей все положительные составляющие дома (*свое, закрытое, защищенное/защищающее*). К анализу особой роли *мансарды* как в пространственной, так и во временной картине мира Элиаде мы обратились специально (см. ниже).

От концепта *дома* в *Дневнике* Элиаде, мы перешли к *дороге/пути* (третий раздел).

В нем мы рассмотрели структуру *текста движения*. Анализ словаря *дороги/пути* показал важную роль топонимов: их смена подчеркивает динамичность как своего рода сюжетную основу *Дневника*. Кроме топонимов в строгом смысле слова (имен собственных), для передачи движения используется и перечисление в тексте записи проходимых/проезжаемых объектов и указание на смену погоды в пути. Пример записи: «Мы уехали сегодня утром из Чикаго в ужасный мороз. Взяли с собой пальто и шубу. Улетели в 11 и приземлились в Мехико в 2³⁰. Не мог поверить себе: тепло, ясное небо, пальмы, цветы. Так жарко, что нам хотелось сбросить с себя всю одежду <...>» (29 января 1965 г.).

Далее выявляются функции *дороги/пути* в *Дневнике*: локус инициационного испытания; локус самонаблюдения; локус рождения художественных и научных замыслов; локус «профетического» (взгляд в будущее). *Дорога/путь* может становиться местом и временем, где пересекаются два мира – мир реальности и мир творчества. То, что обозначается лексемой *în drum* – ‘в дороге, в пути’, часто предстает как *место и время* рождения художественных замыслов. В автобусе («пишу на коленях»). Элиаде отмечает, что ему «явилась» (глагол *a apăra* – ‘явиться’) его новая книга целиком (*văd romanul întreg*), т.е. текст появился готовым из другого времени-пространства. Он описывает новую книгу как «фантом/видение, которое иногда материализуется на несколько мгновений, а потом исчезает, возвращается в свой мир» (*o fantomă care se materializează din când în când, pentru câteva clipe, apoi dispare, se reîntoarce în lumea ei*, апрель 1953 г.). *Дорога/путь* в *Дневнике* являет собой своеобразную «лазейку» из одного мира в другой (*rites de passage*).

Основным воплощением *пути* Элиаде является *лабиринт*. По маршруту *лабиринта* проходят не только реальные, но и метафорические путешествия автора. *Переходы и превращения* (с возвращением к исходной точке) происходят и в образе мыслей автора. В качестве примера нами рассмотрены изменения в его трактовке оппозиции *Востока* и *Запада* в пространственном воплощении (прежде всего – место Румынии, «перемещающейся» с Запада на Восток и *vice versa*).

В *главе III* мы попытались связать пространственные концепты *дома* и *дороги/пути* с идеей *вечного возвращения*, рассматриваемой обычно лишь во временном аспекте.

Дом был исходной точкой жизненного пути автора. В *Дневнике* *дом* – дом детства в Бухаресте, приобретает черты идиллического локуса: текст демонстрирует тенденцию его сакрализации и мифологизации. Семиотический центр этого «утраченного рая» – *мансарда* в родительском доме, комната под самой крышей с отдельным входом, идеальное место уединения для любимого занятия – чтения, оставшаяся для Элиаде вечной точкой притяжения: «закрываю глаза и вижу себя в мансарде на Страда Мелодией <...>. Начинаю вновь проживать свою жизнь, начиная с детства и юности» (*Încep să-mi re trăiesc viața, începînd cu copilăria și adolescența*, 24 февраля 1965 г.).

Притяжение *мансарды* проявляется и в том, что в других своих жилищах Элиаде ищет черты утраченной, оставшейся в прошлом *мансарды*. Каждый раз при многочисленных переездах Элиаде фиксирует факт проживания на *последнем* этаже гостиницы, виллы или загородного дома. «Здесь, в моей комнате, я обретаю вновь мою мансарду на Страда Мелодией» (*mă regășesc mansarda mea pe Strada Melodiei*), пишет Элиаде в сентябре 1953 года, находясь в номере, расположенном на последнем – самом дешевом – этаже парижской гостиницы.

Основное свойство *мансарды* – неподвластность ходу времени: «Я знал, что меня не будет в стране много лет, но был уверен в том, что, вернувшись, найду ту мансарду, в которой вырос» (12 сентября 1976 г.). Это свойство позволяет *мансарде* участвовать в эксперименте автора со временем: «Стою в углу комнаты <...> и неожиданно чувствую, что моя голова упирается в потолок (*Într-un colț al camerei <...> - și pe neașteptate simt cum creștetul capului meu atinge tavanul*). Так же, как в углу моей мансарды на Страда Мелодией. Внезапно переносусь в 1922–1925 гг. (*Transmutare instantanee în anii 1922–1925*)» (январь 1960 г.). Возникает сложное переплетение двух разновременных хронотопов; точка их схождения – *мансарда*. Только благодаря ее способности олицетворять «замораживание времени» возможно «сломать» линейно-поступательный ход времени, «соединить в одном универсуме эти два мира: юность и взрослую жизнь» (*a reintegra într-un același univers aceste două lumi: adolescența și maturitatea*, январь 1960 г.).

Номадизм, ставший судьбой Элиаде, определил направление движения=*пути* от дома. В *Дневнике* же любой путь оказывается этапом *вечного пути*, ведущим к *дому*. Утрата *дома*, ностальгическая тоска, желание вновь оказаться в *том* времени и пространстве становятся основным конфликтом мемуарного дискурса Элиаде. *Центробежное* движение, определившее жизненный путь Элиаде, в *Дневнике* превращается в *центростремительное*, направленное к исходной точке – к *дому*; отсюда всепроникающий в мемуарах Элиаде образ Улисса, с которым автор идентифицирует себя: «Любой изгнанник – Улисс на пути к Итаке. Всякое “реальное” существование воспроизводит Одиссею. Путь к Итаке, к Центру» (*Fiecare exilat este un Ulise în drum spre Itaca. Orice existență “reală” reproduce Odiseea. Drumul spre Itaca, spre Centru,*

1 января 1960 г.). *Вечное возвращение* Элиаде оказывается привязанным к пространству, к определенному локусу - родному дому. Это возвращение=путь пролегает по цикличному маршруту, с возвращением к исходной точке, т.е. является лабиринтом.

Так в *Дневнике* Элиаде с помощью места формируется единое время, равноценными составляющими которого являются и настоящее, и прошлое. Миф о вечном возвращении находит свое воплощение в поэтике *Дневника*.

В заключении подводятся итоги исследования.

Среди основных результатов диссертации наиболее важными представляются следующие:

- показано, что дневниковый дискурс Элиаде построен на сложной системе сочетания и взаимопроникновения реального и метафорического времени и пространства;
- дан анализ структуры реального и метафорического времени и пространства *Дневника*;
- показана роль хронотопа в конструировании глубинных смыслов *Дневника*;
- прослежено, как основные положения научной теории Элиаде проявляются в *Дневнике*, трактуемом нами не только как узко мемориальный, но и как художественный дискурс;
- показано, как в жестко организованном дискурсе с принципиально документальной (и «авторской») основой воплощается архетипическая модель мира – синтез научного и мифопоэтического (художественного) в творчестве и в уникальной личности Мирчи Элиаде.

Все сказанное выше позволяет заключить: в определенном смысле *Дневник* является комментарием (или каркасом) ко всему, созданному Элиаде-ученым и Элиаде-писателем. Не менее верно и обратное: все, написанное Элиаде, вытекает из *Дневника* и стекается в *Дневник*.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

В изданиях по списку, утвержденному ВАК РФ:

1. *Романова А.А.* Переходы, перемены, превращения. А. Ван Геннеп и современная балканистика // *Славяноведение*, № 5, 2010. С. 124–126.
2. *Романова А.А.* *Дневник* Мирчи Элиаде: просвечивающий автопортрет // *Вестник РГГУ*, 2011 [*в печати*].

В других научных изданиях:

3. *Романова А.А.* О структуре мемуарной прозы Мирчи Элиаде // IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004). СПб: Наука, 2004. С. 245–257.
4. *Романова А.А.* Книга длиною в жизнь: о новом издании «Дневника» Мирчи Элиаде // «Китеж-град», 2005, февраль–март. С. 7.
5. *Романова А.А.* «Дневник» Мирчи Элиаде: в поисках жанра // Балканские чтения 8. В поисках «западного» на Балканах. М., 2005. С. 211–215.
6. *Романова А.А.* Концепт *дома* в мемуарной прозе Мирчи Элиаде // Восток и Запад в балканской картине мира. М.: Индрик, 2007. С. 303–311.
7. *Романова А.А.* Мемуарная проза Мирчи Элиаде (предварительные заметки) // «Голоса Сибири», вып. 5, Кемерово, 2007. С. 334–342.
8. *Романова А.А.* Долгая дорога к читателю: «Португальский дневник» Мирчи Элиаде // «Китеж-град», 2007, май. С. 15.
9. *Romanova A.* Mircea Eliade's "Portuguese Journal": a long way to readers // *Integrated skills and multilingualism for better cultural awareness and employability* (9–10 noiembrie 2007). București, 2008.
10. *Романова А.А.* «Дневник» Мирчи Элиаде: еще раз к вопросу о хронотопе // «Голоса Сибири», вып. 8, Кемерово, 2008. С. 546–551.

11. Романова А.А. Антропонимы в «Дневнике» Мирчи Элиаде // «Керуен», Алматы, № 4 (13). 2008. С. 77–83.
12. Романова А.А. «Дневник» Мирчи Элиаде: к вопросу о хронотопе в мемуарной прозе // «Керуен», Алматы, № 3 (12)/2008. С. 48–54.
13. Романова А.А. Образ дома в мемуарах Элиаде // «Голоса Сибири», вып. 6, Кемерово, 2008. С. 742–751.
14. Романова А.А. К юбилею Мирчи Элиаде // «Голоса Сибири», вып. 6, Кемерово, 2008. С. 731–742.
15. Romanova A. Mircea Eliade's „Portuguese Journal” as literature and documentary // “România ca limba străină-între metodă și impact cultural” (Conferința Științifică Internațională, 23–24 noiembrie 2008). Iași, 2008. P. 183–186.
16. Романова А.А. Особенности хронологических обозначений в «Португальском дневнике» Мирчи Элиаде // Spațiul și timpul ca paradigme culturale- Filologie rusă XXIV. București, 2008. P. 24–30.
17. Романова А.А. Переходы/превращения пространства в ракурсе времени (Восток и Запад в дневниках Мирчи Элиаде) // И.А. Седакова (отв. ред.), М.М. Макарецв, С.А. Сиднева, Т.В. Цивьян (ред.). Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. М., 2009. С. 165–169.
18. Романова А.А. Личность М. Элиаде: *Unity in diversity* // Filosofia în contextul științei contemporane (Conferința Științifică Internațională, 23 oct. 2009). Chișinău: ASEM, 2009. P. 256–262.
19. Романова А.А. «"Ни минуты не сомневаюсь, что Достоевский – гений". Творчество Достоевского в "Дневнике" М. Элиаде» // Достоевский и мировая культура. Вып. 26. СПб.: Серебряный век, 2009. С. 144–150.
20. Романова А.А. «Ни минуты не сомневаюсь, что Достоевский – гений...» (М. Элиаде о русском писателе) // «Голоса Сибири», вып. 6, Кемерово, 2010. С. 935–943.
21. Романова А.А. *Время Элиаде & пространство Элиаде* в «Дневнике» Мирчи Элиаде // Международная конференция «Маргиналии 2010: границы культуры и текста» (Каргополь, 25–26 сентября 2010 г). С. 184–186.

Подписано в печать 07.12.2010
Объем 1,3 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru